

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Федотов Илья Игоревич

*Преподаватель, Военный университет имени князя
Александра Невского Министерства обороны РФ
(г. Москва)
ilyafed55@gmail.com*

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECTS OF THE MILITARY-POLITICAL DISCOURSE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

I. Fedotov

Summary: The article deals with the military-political discourse of international organizations as the object of study. The study is intended to examine the communicative and pragmatic aspects of this type of discourse. To achieve this goal, a generalization of approaches to "institutional discourse" and "interdiscursivity" is provided. Military-political discourse is considered as interdiscursive, combining the features of political and military discourses and having specific features within the communicative process. The communicative and pragmatic aspects of the military-political discourse of international organizations are examined in terms of the texts of the CSTO and NATO documents. An analysis of individual examples is presented, the features of the addresser and the addressee in military-political discourse, as well as the situation of self-addressing, are identified.

Keywords: discourse, interdiscursivity, institutional discourse, military-political discourse, addressee, self-address.

Аннотация: В статье в качестве объекта исследования рассматривается военно-политический дискурс международных организаций. Целью является изучение коммуникативно-прагматических аспектов дискурса данного типа. Для достижения цели приведено обобщение подходов к таким понятиям, как «институциональный дискурс», «интердискурсивность». Военно-политический дискурс рассматривается как интердискурсивный, сочетающий в себе признаки политического и военного дискурсов и обладающий особенностями в рамках коммуникативного процесса. Коммуникативно-прагматические аспекты военно-политического дискурса международных организаций рассмотрены на примере текстов документов ОДКБ и НАТО. Представлен анализ отдельных примеров, выявлены особенности военно-политического дискурса в ситуации адресант–адресат, а также в ситуации самоадресности.

Ключевые слова: дискурс, интердискурсивность, институциональный дискурс, военно-политический дискурс, адресат, самоадресность.

Сегодня сфера употребления термина дискурс является весьма широкой (философия, социология, семиотика, теория коммуникации, лингвистика и т. д.) [18]. Многоаспектность содержания и форм дискурса обусловила, в частности, разнообразие его теоретических дефиниций и достаточно быструю эволюцию его концепций. В частности, современные условия коммуникаций формируют новые виды дискурса, которые требуют их характеристики и описания [19]. Один из таких видов – это военно-политический дискурс, важность исследования которого обусловлена его широким распространением в коммуникационных процессах на международном уровне. В связи с ростом геополитических напряжений в мире изучение особенностей военно-политического дискурса становится весьма значимой задачей, достижение которой важно не только с точки зрения развития лингвистики, но и для практической деятельности представителей власти, дипломатов и других специалистов.

Понятие «дискурс» чрезвычайно многоплановое. Многозначность дискурса обусловлена некоторой неопределенностью его места в системе существующих

категорий проявления языка. Своим появлением понятие «дискурс» обязано З. Харрису, который ввел дистрибутивный метод и на его основе рассматривал дискурс, как высказывание, сверхфразовое единство в контексте других единиц и связанную с ними ситуацию [21]. Изучению дискурса посвящено много научных исследований, авторы которых предлагают самые разнообразные подходы и толкования данного понятия.

В целом же понятием «дискурс» на сегодня обозначается любое явление действительности, имеющее знаковую природу и определенным образом структурированное, включая митинги, дебаты, спектакли [15, с.18]. По Г. Куку дискурс – это единство и взаимодействие текста и контекста [20, с.34]. В семиотике утвердилось определение дискурса как знаковой системы, в которой происходит модификация семантики и функции различных типов языковых единиц и стандартных речевых действий [1, с.344]. В этом проявляется прагматично-ситуативный аспект понятия «дискурс», который заключается в выяснении связности дискурса, его коммуникативной адекватности.

Т. ван Дейк рассматривал дискурс как существенный компонент социокультурного взаимодействия, отличительными чертами которого являются интерес, цели и стили. По его мнению, дискурс – это сложное когнитивное образование, анализ которого требует оценки смысловых и лексических единиц, заложенных в дискурс [3].

Ю.С. Степанов трактует дискурс как «язык в языке». Иллюстрируя эту концепцию дискурса, Ю.С. Степанов анализирует взгляды П. Серио, который отмечал, что дискурс представляет собой единство использования языка для выражения особой ментальности, идеологии требующей соответствующей грамматики и лексики [13, с. 37].

Исследователь В.И. Карасик определяет дискурс как совокупность текстов, связанных семантическими отношениями и объединённых коммуникативными и функционально-целевыми отношениями. Дискурс – сложное речевое образование, текст в котором является компонентом дискурса и нужен, чтобы фиксировать возможности воспроизведения процесса дискурсивной деятельности [9]. Дискурс – это коммуникативное событие, процесс текстообразования, возникший благодаря тексту и вокруг него и обусловленный определенными языковыми и внеязыковыми факторами.

Исходя из уже анализируемых позиций известных исследователей дискурса Ю. Хабермаса [17] и М. Фуко [16], которые утверждают, что между понятиями «дискурс» и «стиль», «дискурс» и «текст» есть много общего, необходимо отметить, что под дискурсом в том числе подразумевается совокупность письменных и устных текстов в определенной коммуникативной сфере деятельности. В зависимости от сферы использования различают несколько типов дискурсов, в частности институциональный.

В.И. Карасик выделяет институциональный дискурс как конвенциональное, культурно-обусловленное, нормативное речевое взаимодействие людей, принимающих на себя определённые статусные роли в рамках социального института [9]. В.И. Карасик отмечает, что к институциональному дискурсу относятся различные виды общения в заданных рамках статусно-ролевых отношений, например, политический, дипломатический, юридический, военный, деловой, научный, массово-информационный и другие [10].

В современных условиях происходит сближение разных видов дискурса и их частичное слияние. При этом появляются новые виды дискурса, так как формируется индивидуальный, специфический набор качеств и признаков дискурса. Это явление называется интердискурсивность – именно оно характеризует появление новых видов дискурса от тесного взаимодействия и слияния существующих ранее видов.

В современной международной политической и дипломатической практике весьма распространённым является военно-политический дискурс, который представляет собой интердискурсивное слияние военного и политического дискурсов. Военный дискурс и политический дискурс, хотя и связаны, однако являются двумя отличительными явлениями, сориентированными на общественность, власть и военные конфликты. Первое определяется как коммуникация, используемая в условиях военной деятельности, включая широкий спектр языковых средств от военной терминологии до военного сленга, а его главная функция заключается в обеспечении эффективного взаимодействия между участниками военной сферы. Политический дискурс же направлен на политический контекст. В нем используются различные языковые средства от политической терминологии до пропаганды с целью обеспечения эффективного взаимодействия между политическими деятелями и обществом в целом [5].

Как отмечают исследователи, например, К.А. Наумова, военно-политический дискурс частично совмещает признаки и свойства военного и политического дискурсов [11]. Он обладает специфическими особенностями, которые проявляются наиболее ярко и устойчиво в дискурсивной практике в рамках деятельности международных организаций.

Далее рассмотрены коммуникативно-прагматические особенности военно-политического дискурса международных организаций. При этом необходимо учесть, что основная цель коммуникации в рамках военно-политического дискурса – это воздействие на адресата. Как отмечает К. Е. Калинин, коммуникативный контакт делает возможным воздействие на слушателей и способствует достижению необходимого эффекта [8], поскольку адресант имеет целью не только передать соответствующий смысл, но и побудить слушателей к конкретным решениям, влиять на их волю и чувства, что, в свою очередь, находит реализацию с участием коммуникативных стратегий военно-политического дискурса.

Специфика военно-политической коммуникации заключается в определённых взаимоотношениях между адресантами и адресатами, цель первых из них – это воздействие на вторых. При этом речевые акты реализуют стратегии вуалирования принуждения, создания эмоциональной основы для достижения консенсуса. Для этого в структуру речи включаются экспрессивы – лексические единицы, позволяющие оценить эмоциональное значение текста или выступления. Экспрессивные речевые акты военно-политического дискурса лишены строго обязывающей силы, и содержат такие типичные семы, как «*обеспокоенность*», «*беспокойство*», «*стремление*», «*озабоченность*», «*полны решимости*» и т.д. Благодаря этому реализуются стратегии эмоционального воздействия, проявления со-

лидарности и устранения (сглаживания) разногласий между сторонами международного документа, доносится точка зрения адресанта до адресатов [12].

Структурная формула экспрессива включает перформативную часть, содержащую такие компоненты, как обобщенный адресант-адресат (фразовый субъект) в сочетании с перформативным экспрессивным глаголом или другим маркером экспрессивной силы, и пропозиционально-информативная часть [14]. Прямые экспрессивы военно-политического дискурса содержат эксплицитные маркеры экспрессивной силы [6], прежде всего, глаголы и отглагольные формы, содержащие в своем семантическом составе семы на обозначение эмоций, чувств, положительной или отрицательной эмоциональной оценки ситуации. Косвенные экспрессивы содержат формально-структурные маркеры других речевых актов.

В военно-политическом дискурсе речевые акты различных типов и интенсивности являются основными средствами волеизъявления сторон документа, непосредственно влияя на модальность международно-правовых текстов. В военно-политическом дискурсе функционируют все известные в прагматике типы речевых актов, распределение и частотность употребления которых обуславливают иллокутивные (выражающие коммуникативное намерение говорящего) силы фрагментов документов, а совокупность таких интенций напрямую связана с превалированием в определенном типе дискурса модальности, долженствования.

Необходимо привести ряд примеров из дискурсивной практики международных организаций военно-политического профиля – Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Организации Североатлантического договора (НАТО). Например, Й. Столтенберг как представитель НАТО в ноябре 2023 г. заявил: «*We are concerned about separatist and divisive rhetoric, as well as... foreign interference... This undermines stability and hinders reform... All political leaders must work to preserve unity, build national institutions and achieve reconciliation*». [24].

В приведенном фрагменте международно-правового текста показателем экспрессивной иллокутивной силы становится глагол «*concerned*», который содержит в своей семантической структуре узуальную коннотативную сему «отрицательная оценка».

Схожие структуры можно обнаружить и в текстах документов ОДКБ, например: «*Мы, члены Совета коллективной безопасности ОДКБ, выражаем обеспокоенность в связи с продолжающимся обострением напряженности в мире. Подтверждаем обязательство воздерживаться от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях и разрешать все разногласия между собой и другими государствами мирны-*

ми средствами» [4].

В этом фрагменте также можно заметить сему «*обеспокоенность*». Как и в предыдущем примере, в данном фрагменте текста исследуемого дискурса сочетание «*выражаем обеспокоенность*» служит показателем экспрессивной иллокутивной силы. Оно содержит в своей семантической структуре коннотативную сему отрицательной оценки и высокую вероятность обнаружения такой оценки.

Маркером прямого экспрессивного акта военно-политического дискурса являются глаголы и отглагольные формы, содержащие в своем семантическом составе семы «озабоченность», «беспокойство» и др.:

«*We are alarmed by the escalation on the Polish-Belarusian border. We urge Belarus to adhere to international law,*” the Western military alliance said on Wednesday» [22].

В частности, в приведенном примере экспрессивная иллокуция обозначена словом «*alarmed*» и выражает чувство беспокойства. В использовании таких средств адресант выражает желание воздействия на участников конфликта, обеспокоенность, необходимость вмешательства при продолжении конфликта.

Аналогичную сему («*встревожены*», «*серьезно обеспокоены*») находим и в заявлении ОДКБ по столкновению в Карабахе:

«*Организация Договора о коллективной безопасности выражает серьезную обеспокоенность в связи с тем, что обострение нагорнокарабахского конфликта привело к инциденту с российским вертолетом Ми-24*» [2].

Выражение обеспокоенности в официальном документе – это стремление воздействия на адресата с помощью определенных языковых средств, что и можно видеть в представленном фрагменте в виде сочетания «*выражает серьезную обеспокоенность*».

Среди других типичных маркеров экспрессивной иллокутивной силы для воздействия на адресата в документах НАТО также обнаружены «*Resolving to*» (*полны решимости*), «*Being resolved to, Being determined to*» (*полны решимости*), «*Wishing to*» (*желающие*) – например: «*NATO has responded with unity and resolve, determined to support and keep our 1 billion people safe – everywhere*» [23]. Такие заявления могут быть адресованы и третьим странам – то есть не только государствам-членам НАТО, про которые идет речь в таких заявлениях, но и странам, которые, например, угрожают объекту обсуждения. То есть тут имеет место скрытая адресация коммуникационного сообщения.

Аналогичные примеры можно найти и в текстах документов военно-политического дискурса ОДКБ, напри-

мер: «Государства-члены ОДКБ вновь подчеркивают необходимость продвигаться к скорейшему восстановлению суверенитета Ирака при обеспечении центральной роли ООН» [7]. Данное заявление с использованием словосочетания «подчеркивают необходимость» ориентировано не только непосредственно на ту страну, про которую идет речь в заявлении (Ирак), но и на мировое сообщество в целом. Необходимо отметить, что такая скрытая адресация довольно характерна для заявлений и выступлений военно-политического дискурса международных организаций.

Рассмотренные выше средства и инструменты военно-политического дискурса международных организаций выполняют функцию воздействия адресанта на адресата коммуникации, но существует и ситуации самоадресности (когда государства-члены создают документы сами для себя). Такие акты выполняют важную для этого типа общения функцию создания общности, проявления солидарности, митигации и вуалирования разногласий, что является важным для реализации основных стратегий достижения взаимопонимания и консенсуса между государствами-участниками документа.

В этой связи можно проанализировать речевой акт, который является трехкомпонентным по своей иллокутивной силе, содержит интенции утверждения, самообязательства и выражения чувств, эмоций и желаний:

Пример из заявления НАТО: «*NATO plays an essential role within the developing European Security Architecture. NATO's membership of like-minded Allies dedicated to working together has, over the course of its forty-five year existence, helped fundamentally improve the nature of relations between*

member states» [25].

И аналогичный пример из текстов заявлений ОДКБ: «*Подтверждаем обязательство воздерживаться от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях и разрешать все разногласия между собой и другими государствами мирными средствами*» [4].

Так, в приведенных фрагментах функцию речевого акта возможно интерпретировать и как подтверждение решимости к осуществлению действий (ассертивная иллокуция), и как имплицитованное самообязание государств-участников (иллокутивная сила), и как выражение чувств, эмоций и желаний (экспрессивная иллокуция).

Таким образом, при изучении коммуникативно-прагматических особенностей военно-политического дискурса выявлено, что в системе «адресант – адресат» в военно-политическом дискурсе формируется определенное стремление адресанта воздействовать на адресата. При этом адресат иногда бывает скрытым, а коммуникационное сообщение лишь косвенно упоминает его. Кроме того, интересной особенностью военно-политического дискурса является и явление самоадресности, когда в документах международных организаций закреплено намерение участников к определенным действиям.

В целом разнообразные средства военно-политического дискурса, проявляющиеся в рамках коммуникативного процесса, – в частности, экспрессивы, призваны оказать воздействие на адресата через определённые семантические конструкторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басенко Г.В. Политическая коммуникация на стыке разных дисциплин / Г.В. Басенко // Язык и социальная динамика. – 2012. – № 12-1. – С. 343–345.
2. В ОДКБ обеспокоены тем, что конфликт в Карабахе привел к инциденту с российским Ми-24. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9954823?ysclid=Iryxjhd4zi141006985> (дата доступа: 31.01.2024).
3. Дейк Тён ван. Дискурс и власть / Тён ван Дейк; [пер. с англ. Е. Переверзев Е. Кожемякин]. – М.: URSS, 2013. – 344 с.
4. Декларация Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/deklaratsiya-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti/#loaded (Дата доступа: 31.01.2024).
5. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 31–44.
6. Ершов Ю.М. Военно-публицистический дискурс газет в период обороны Севастополя 1941–1942 годов / Ю.М. Ершов, Т.В. Черепанова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10, № 1. – С. 63–77.
7. Заявление глав государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. – Режим доступа: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-glav-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti/?ysclid=Iryy1exc8b262072463#loaded> (Дата доступа: 31.01.2024)
8. Калинин К.Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: 10.02.04: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Калинин К.Е. – Нижний Новгород, 2009. – 20 с.
9. Карасик В.И. Дискурс / В.И. Карасик // Дискурс-Пи. – 2015. – № 3-4(20-21). – С. 147–148.
10. Карасик В.И. Структура институционального дискурса / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2000. – С. 25–33.
11. Наумова К.А. Специфика гибридных видов дискурса: на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Наумова К.А. – Челябинск, 2021. – 23 с.

12. Пешкова А.Б. Экспрессивы как один из видов речевых актов, выражающихся восклицательными предложениями (на материале русских и английских текстов) / А.Б. Пешкова // Образование и право. – 2019. – № 8. – С. 287–292.
13. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов. – Москва // Язык и наука конца XX века: сборник статей, 1995. – С. 35–73.
14. Сулавко А.Ю. О роли прагматической установки в процессе реализации фразеологических единиц в испанском политическом дискурсе / А.Ю. Сулавко // Древняя и Новая Романия. – 2015. – № 16. – С. 277–289.
15. Филиппов К.А. Лингвистика текста и современный анализ устной речи / К.А. Филиппов. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2016. – 228 с.
16. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1966. – 448 с.
17. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: двенадцать лекций / Юрген Хабермас; [пер. с нем. М. М. Беляев и др.]. – Изд. 2-е, испр. – М.: Весь Мир, 2008. – 414 с.
18. Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации / Ф. И. Шарков. – 4-е изд., перераб. – М.: Дашков и Ко, 2013. – 487 с.
19. Шилина М.Г. Инновационный дискурс и теория общественных связей: методологические аспекты / М.Г. Шилина // Медиаскоп. – 2010. – № 4. – С. 4.
20. Cook G. Applied linguistics / G. Cook. – Oxford University Press, 2003. – 134 p.
21. Harris Z. S. Discourse analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28, No. 1 – pp. 1–30.
22. Nato alarmed after Belarus soldiers cross Polish border. – Режим доступа: <https://euobserver.com/world/153419> (Дата доступа: 31.01.2024).
23. NATO is stepping up in the High North to keep our people safe. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_206894.htm (Дата доступа: 31.01.2024).
24. NATO's Stoltenberg concerned by secessionist rhetoric in Bosnia. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/europe/natos-stoltenberg-says-concerned-with-secessionist-rhetoric-bosnia-2023-11-20/> (Дата доступа: 31.01.2024).
25. Study on NATO Enlargement. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24733.htm (Дата доступа: 31.01.2024).

© Федотов Илья Игоревич (ilyafed55@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»